

В. В. ВОРОБЬЕВ

ЛЕВ ЛАНДАУ И «АНТИСОВЕТСКАЯ ЗАБАСТОВКА ФИЗИКОВ»

Предлагаемая статья перепечатана из газеты «Харківський університет» № 22, 24–26 за 1993 г. и № 2 за 1994 г. Нам представляется, что затронутая в ней тема может заинтересовать более широкий круг читателей, чем студенты и преподаватели ХГУ.

Ее автор — проректор Харьковского университета Виктор Васильевич Воробьев (1937–1996). В последние годы своей жизни он увлекся историей науки в родном университете и городе Харькове. Новыми и интересными материалами он щедро делился с коллегами и студентами. В университетской газете он опубликовал серию интересных статей. Номера этих газет невозможно было достать — их мгновенно расхватывали.

В. В. Воробьев родился 31 марта 1937 г. в Харькове. Учился на ядерном отделении физико-математического факультета Харьковского университета. Как талантливый выпускник был оставлен на кафедре реакторостроения. С университетом была связана вся его жизнь. Умер в июле 1996 г., не успев написать задуманную им книгу по истории харьковской физики. Некоторые важные детали, касающиеся описываемых событий, можно найти в книге: Павленко Ю. В., Ранюк Ю. Н., Храмов Ю. А. «Дело» УФТИ (1935–1938). Киев, 1998.

Ю. Н. Ранюк

При написании этой статьи были использованы материалы архивов Харьковского университета, Харьковского областного архива, архива Харьковского областного управления службы безопасности*, а также воспоминания академиков А. И. Ахиезера и Я. Б. Файнберга, бывшего начальника спецотдела ХГУ М. П. Жуковой и преподавателя кафедры общей физики Н. Л. Поляковой.

Событие на физико-математическом факультете Харьковского университета, имевшее место в конце 1936 — начале 1937 гг. и получившее название «антисоветской забастовки», сыграло печальную роль в жизни факультета и обернулось трагедией для многих его участников.

В процессе работы удалось выявить ряд ошибок, допущенных авторами мемуаров, которые ориентировались не на документы, а на свою память. Правда, к некоторым документам следует относиться критически, ибо часть их была фальсифицирована. Так, профессор В. С. Горский, один из «забастовщиков», был арестован последним — 21 сентября 1937 г., а расстрелян первым — 8 ноября 1937 г. А на запрос академика И. В. Обреимова в 1944 г. была сложена легенда о смерти В. С. Горского.

СССР

Народный комиссариат Государственной безопасности

Отдел А

июнь 1944 №11/15 18544

Москва

Совершенно секретно,

лично заместителю начальника 1 спец. отделения НКВД СССР

подполковнику государственной безопасности тов. Соснину.

г. Свердловск.

* В газетной публикации, которую мы воспроизводим, точные ссылки на архивные материалы и другие источники отсутствуют. — *Ред.*

Возвращая Вам архивно-следственное дело № 766025 том 137 по обвинению Горского Вадима Сергеевича, прошу в карточке ОСК на него сделать пометку о том, что в июне месяце 1944 года члену-корреспонденту Академии Наук СССР Ивану Васильевичу Обреимову было сообщено, что Горский В. С., отбывая срок наказания в лагерях НКВД, умер 25 ноября 1941 года от крупозного воспаления легких, в связи с чем дальше на Горского В. С. прошу выдавать такие справки.

Приложение: архивно-следственное дело № 766025 т. 137.

Начальник отдела «А» НКГБ СССР
комиссар государственной безопасности Герцовский.

Как видно из этого документа, некоторые бумаги НКВД нельзя рассматривать иначе как липу, когда просят «выдавать такие справки». Таким образом, со справками следует обращаться осторожно.

Прежде чем перейти к изложению материалов «антисоветской забастовки» в ХГУ, осветим предысторию.

Одиннадцатая годовщина Октябрьской революции. Страна окрепла и развивалась. Появились новые хозяйственные задачи, решение которых потребовало научного обеспечения. Тем временем концентрация научных учреждений в Москве и Ленинграде уже не удовлетворяла промышленные окраины. Возник вопрос о «децентрализации физики». Подобные процессы имели место в Германии, США и других странах. Это хорошо знал академик А. Ф. Иоффе, поэтому он выступил с инициативой создания в стране ряда новых научно-исследовательских центров, в частности и в Харькове. Так, он предложил «...развить Харьковский физико-технический центр до размеров, которые отвечали бы промышленному и культурному значению этого города».

Окончательное решение о создании Украинского физико-технического института (УФТИ) было принято Президиумом коллегии ВСНХ СССР 18 июня 1928 г. Таким образом, год рождения УФТИ — 1928 г., а не 1929 г., как утверждает в ряде публикаций. Отправляясь директорствовать в УФТИ, И. В. Обреимов взял с собой большую группу талантливых молодых ученых из Ленинградского физико-технического института, в которой были А. И. Лейпунский, Л. В. Шубников, К. Д. Синельников, А. К. Вальтер, В. С. Горский, Г. Д. Латышев, Л. В. Розенкевич и др., а из харьковчан — А. А. Слуцкина.

В августе 1932 г. в УФТИ появился Л. Д. Ландау, который после научной командировки во Францию, Швейцарию и Данию не нашел понимания в ЛФТИ, а в Харькове И. В. Обреимов сразу же предложил ему должность заведующего теоретическим отделом и предоставил полную свободу как в выборе научной тематики, так и в определении содержания подготовки молодых физиков.

УФТИ набирал силу, становясь мировым центром физической науки. В это время Л. В. Шубников уже возглавлял первую лабораторию низких температур, В. С. Горский — рентгеновский отдел, а А. И. Лейпунский — лабораторию расщепления ядер. Работая здесь, Л. Д. Ландау в 1933 г. предсказал существование антиферромагнитного состояния магнетиков, собственно говоря, ввел в физику это понятие.

В 1932 г., через шесть месяцев после англичанина Дж. Д. Кокрофта и ирландца Е. Т. С. Уолтона, которые первыми в мире расщепили ядро лития ускоренными протонами, в УФТИ А. И. Лейпунский, К. Д. Синельников, А. К. Вальтер, Г. Д. Латышев — так называемая высоковольтная бригада — впервые в СССР осуществили то же самое. Больших успехов в генерировании ультракоротких волн достигла лаборатория А. А. Слуцкина.

Так шли дела в науке. В то же время шли процессы становления и реорганизации системы подготовки молодых специалистов для народного хозяйства. В 1930 г. был ликвидирован Институт народного образования. На его базе возник Физико-химико-математический институт, который в 1933 г. тоже был упразднен. Наконец, в 1933 г. был восстановлен Харьковский государственный университет, первым его ректором стал философ Я. С. Блудов, который до этого был директором Физико-химико-математического института.

В составе университета был организован физико-математический факультет, первым его деканом стал профессор А. В. Желеховский. На факультете были созданы кафедры: экспериментальной физики (заведующий проф. А. В. Желеховский), электромагнитных колебаний (заведующий А. А. Слуцкий), магнитных измерений (заведующий Д. С. Штейнберг) и теоретической физики (заведующий Л. В. Розенкевич).

Первоклассные ученые, собранные в УФТИ, получая новые результаты, передавали их студенческой молодежи, немало времени отдавая преподавательской деятельности и подготавливая новые научные кадры. Так, приехав в Харьков, Л. Д. Ландау возглавил кафедру теоретической физики в Харьковском механико-машиностроительном институте. Там же трудились Л. В. Шубников, Л. В. Розенкевич и другие. Однако Л. Д. Ландау, будучи воспитанником университета и имея университетский склад ума и педагогические интересы, естественно, стремился сотрудничать с Харьковским университетом.

Следует напомнить, что в 1932–1933 гг. на Украине был страшный голод, поэтому каждый ученый УФТИ стремился где-то подработать, в том числе и в университете. А преподаватели университета, в свою очередь, также были обеспокоены поиском дополнительного заработка. И таким местом для них был УФТИ. Но главное в этом содружестве состояло в том, что преподаватели университета получали возможность пользоваться первоклассной научной базой института, расширяя и углубляя тем самым научные исследования в самом университете, повышая свою квалификацию, а также готовить аспирантов и студентов, черпать научные идеи.

Таким образом, объективно сложились условия для возникновения теснейшего сотрудничества ХГУ и УФТИ. Толчком, который ускорил этот процесс, стали два события.

В 1934 г. ректором университета становится А. И. Нефоросный. Юрист по образованию, он прошел большую школу организаторской работы в советских и партийных органах. Так, в 1933 г. и первой половине 1934 г. он возглавлял отдел культуры и пропаганды Харьковского горкома партии и знал, что представляет собой УФТИ. Надо иметь в виду, что директор УФТИ А. И. Лейпунский тоже был членом горкома. Следовательно, Нефоросный и Лейпунский были хорошо знакомы и, вполне возможно, обсуждали проблемы университета. Именно это знакомство и неожиданная смерть проф. Д. С. Штейнберга подтолкнули А. И. Нефоросного пригласить в университет Л. Д. Ландау и Л. В. Шубникова. Шубникову предлагали должность заведующего кафедрой. Но вакантной была только должность заведующего кафедрой магнитных измерений. Очевидно, Шубников настоял на том, чтобы кафедра магнитных измерений была переименована в кафедру твердого тела — это больше соответствовало его научным интересам.

Ректор согласился, и кафедру переименовали. Л. В. Шубников дал согласие перейти на работу в университет, написав на клочке бумаги нечто более похожее на записку, чем на заявление.

Ректору Гос. Харьковского Ун-та.

В ответ на Ваше предложение занять кафедру спец. твердого тела отвечаю согласием.

31.08.35. Шубников Л. В.

В левом верхнем углу этого документа есть резолюция ректора А. И. Нефорошенко: «Назначить руководителем кафедры твердого тела Шубникова Л. В.».

Двумя днями ранее свое заявление написал Л. Д. Ландау.

Харьк. Гос. Университет

От проф. Ландау Л. Д.

Заявление

Прошу зачислить меня преподавателем университета по кафедре теор. физики.

29.VIII.35. Л. Ландау

Итак, точно установлено, что Л. Д. Ландау и Л. В. Шубников начали работать в ХГУ с 1 сентября 1935 г., а не 1936 г., как об этом вспоминал А. И. Ахиезер.

Возникает вопрос, почему вдруг заведующий кафедрой теоретической физики Механико-машиностроительного института согласился перейти в университет на роль обычного преподавателя?

Вероятно, Ландау понимал, что реализовать свои идеи он может только в университете. Только университетская студенческая аудитория была ему нужна для апробации задуманного курса теоретической физики. Из-за этого он был готов сотрудничать с университетом в любой форме.

Но оказалось, что уровень преподавания даже общей физики был недостаточен. Как вспоминал Я. Б. Файнберг (тогда — студент физического отделения), лекции по физике читал заведующий кафедрой экспериментальной физики профессор А. В. Желеховский, автор учебника по физике на украинском языке. Лекции читал скучно, опыты демонстрировал сам, и это, как правило, ему не удавалось. Поскольку в университете было введено свободное посещение, то на лекциях Желеховского были единицы. Уровень знаний по физике у будущих физиков оставлял желать лучшего.

Обеспокоенный этим ректор договорился с Л. Д. Ландау, что тот начнет с общей подготовки, а потом уже приступит к специальной, возглавив сначала кафедру экспериментальной физики. Об этом свидетельствует докладная записка Л. Д. Ландау ректору. Ученый возмущается поведением проректора по учебной части Рахунова, позволявшего себе отмену зачетов по общей физике,

которые особенно важны в связи с ... тяжелым состоянием общей физики на физмате до этого семестра. Отмечу также саботаж учебной частью издания для студентов 1-го и 2-го курсов лекций, которые я читаю. Осенью (в октябре. — В. В.) у меня сложилось убеждение о наличии полной договоренности между Вами и мной о работе кафедры, и я сейчас рассчитываю на Ваше содействие.

Л. Д. Ландау подписал эту докладную записку как заведующий кафедрой общей физики. Ошибка Ландау в названии кафедры (она называлась экспериментальной) случилась, вероятно, из-за содержания курсов лекций, которые он читал. Потом эта ошибка повторялась еще несколько раз. Это привело к тому, что во многих воспоминаниях сотрудников и друзей Л. Д. Ландау отмечалось, что якобы он начал свою работу в ХГУ заведующим кафедрой общей физики. В действитель-

ности такая кафедра была организована в 1940 г., и ее первым заведующим был доцент А. С. Мильнер.

Чтобы быть еще более точным, следует сказать, что Л. Д. Ландау начал свою работу в университете с чтения курса лекций по общей физике. Академик Я. Б. Файнберг так вспоминает этот момент:

Как-то А. В. Желеховский привел в аудиторию молодого парня, одетого в приличную заграничную куртку, страшно помятые полотняные штаны и босоножки на босую ногу.

Желеховский с хмурым видом остался в аудитории, сказав, что отныне лекции будет читать не он, а профессор Л. Д. Ландау. Ландау обратился к аудитории со словами, что до сих пор студентов учили «дремучие зубры» и учили не тому, чему следует. Под «дремучими зубрами» Лев Давидович имел в виду не присутствующего А. В. Желеховского, а профессора Ленинградского университета О. Д. Хвольсона, автора многотомного «Курса физики». Этот учебник выдержал несколько изданий и в то время использовался в вузах. Скорее всего, и сам Ландау учился по нему.

Как утверждает академик А. И. Ахиезер, Л. Д. Ландау, начав читать общую физику, полагал, что в самом курсе должны излагаться только основные законы и выясняться их физическая суть. Детали опытов и устройство физических приборов следовало, по его мнению, изучать в ходе лабораторных работ.

Содержание «Курса физики» О. Д. Хвольсона было полной противоположностью этим принципам Л. Д. Ландау. Вот почему он и поругивал его, называя «хвольсонизмом» всякую смесь.

Приступив к изложению общей физики первокурсникам физфака, Л. Д. Ландау провел то, что мы называем теперь «стартовым контролем». Он попросил студентов ответить (анонимно) на 15 вопросов, на которые мог ответить любой человек со средним образованием. Результаты были неутешительными. Одни вообще не знали ответов, ответы же других вызывали смех. Так, студент Я. Б. Файнберг на вопрос, чем дышат рыбы в воде, ответил так: «Рыбы дышат кислородом, который получают путем гидролиза воды».

Ясно, что в такой ситуации высокий физический уровень курса лекций, предложенный Л. Д. Ландау, оказался неприемлемым для большинства студентов, которые пришли в вуз после ликбеа и рабфака. Средний возраст четверти студентов был тогда 27 лет и выше, среди них 9% коммунистов и кандидатов в члены ВКП(б), 40,6% — комсомольцев. Беспартийному Л. Д. Ландау было 27 лет, но характер он имел резкий, не признавал никаких авторитетов и любил находить ошибки у других.

Еще с ленинградских времен у Л. Д. Ландау был сотрудник М. А. Корец. И вот этот самый Корец, дважды исключенный из комсомола и с одной судимостью, появился в 1935 г. в Харькове и сразу же фактически стал личным секретарем Л. Д. Ландау в УФТИ и его ассистентом — в университете.

Каждый раз во время практических занятий, особенно на зачетах и экзаменах, где Корец часто помогал Ландау, он буквально терроризировал студентов, делая вид, что выполняет указания Ландау. Как вспоминает академик Я. Б. Файнберг, Корец делал все для того, чтобы подбить студентов против Ландау, а Ландау настроить против студентов. Учитывая характер Л. Д. Ландау, сделать это было трудно. Так возникла конфронтация между студентами и Ландау, которая усилилась после того, как на одном экзамене он поставил более 50% двоек.

Как вспоминает М. П. Жукова, студенты действительно жаловались в партийный и комсомольский комитеты университета на то, что Лев Давидович относится

к ним свысока. Обращались студенты и в депутатскую группу, в руководстве которой была М. П. Жукова.

Но не только жалобы студентов были той главной причиной, из-за чего начали зажимать Ландау. Скорее всего, это был повод, а причина состояла в том, что в ХГУ еще до убийства Кирова начались кадровые чистки. Так, в решении бюро горкома партии от 26 октября 1934 г. было отмечено, что в университете много антисоветских элементов. Был назван ряд имен «великодержавных шовинистов», «крупных националистов», «троцкистов», «примиренцев с националистами».

Существовала и идеологическая подоплека этого процесса, одним из первых проявлений которой была борьба с идеализмом в науке. Ясно, что Харьковский университет не мог стоять в стороне, и его так называемые «воинствующие материалисты» не жалели сил в борьбе с идеализмом.

Эту кампанию возглавил член АН УССР С. Ю. Семковский (Бронштейн), который до 1920 г. был убежденным меньшевиком-интернационалистом и которого критиковал В. И. Ленин. Впоследствии он перешел на позиции большевиков. Это помогло ему получить степень доктора философии и социологии, стать академиком, войти в руководство Академии наук Украины и даже в состав правительства.

С. Ю. Семковский добивался должности заведующего кафедрой в университете, но не получил поддержки руководства. Ректор ХГУ проф. Я. С. Блудов сказал на бюро горкома партии: «Мы Семковского брали только на курс лекций „Диалектика природы“». Несмотря на это, он добивался кафедры, но мы ему ее не дали».

Однако под давлением Наркомпроса и Харьковского обкома партии ректор Нефоросный, заменивший на этой должности Блудова, назначил академика Семковского руководителем объединенной кафедры диамата. Таким образом, Л. Д. Ландау и С. Ю. Семковский начали руководить кафедрами в Харьковском университете практически одновременно.

В соответствии с официальными партийными указаниями и по сути своей работы С. Ю. Семковский должен был осуществлять пропаганду идей диалектического материализма. С этой целью на базе университета он организовал городской философский семинар, на заседаниях которого иногда бывал и Л. Д. Ландау.

Академик Семковский, вопреки легенде, распространенной Академией наук Украины, никакого учебного учреждения не заканчивал. Как физик он был абсолютно безграмотным, поскольку в 1909–1910 гг. всего-навсего посещал курсы физиков при Цюрихском университете, практически не владея ни одним иностранным языком. Что касается философии, то, по его словам, он «ничего формально не заканчивал, но прослушал курсы (где, неизвестно. — В. В.) и самостоятельно занимался наукой в библиотеках Берлина, Вены и Цюриха».

Понятно, что Л. Д. Ландау нетрудно было поставить на место академика С. Ю. Семковского, который пытался рассматривать физику и химию в марксистском свете. В присутствии «воинствующих материалистов» Л. Д. Ландау охарактеризовал материализм «как вредное для науки схоластическое учение». Конечно, на него немедленно наклеили ярлык «идеалиста».

А тут, как на грех, в журнале «Новый мир» на исходе 1936 г. появилась тенденциозная статья В. Л. Львова под названием «Материя и энергия», в которой с позиций диалектического материализма рассматривались фундаментальные представления современной физики. Но рассматривались так, что световые кванты были представлены «как чистая фикция», а световой дуализм — как «невероятная и запутаннейшая утка». И, конечно же, автора страшно возмущало, что сформированный и пущенный в оборот «пресловутый миф об энергии, владеющей массой», и о «материи, тождественной с энергией», завоевывал страницы учебников.

Эта статья имела широкий резонанс среди преподавателей и студентов университета. Естественно, что Ландау, который читал свои знаменитые лекции по теоретической физике (к тому времени курсы лекций по общей физике уже читали ученики Ландау, в том числе и А. И. Ахиезер), не мог не обратить внимания своих слушателей на несурзности, которые проповедовал В. Л. Львов.

Чтобы подчеркнуть, что эта статья была написана по идеологическому заказу, Ландау публично назвал ее автора «писака Львов».

Нет необходимости кого-то убеждать в том, что во времена московских процессов подобные заявления не могли остаться незамеченными парткомом университета, вышестоящими организациями и, конечно же, НКВД, тем более, что сигналов с мест было предостаточно.

Обстановка в университете становилась все более напряженной, и эту напряженность усиливала всеобщая истерия поиска врагов народа.

20 августа 1936 г. на общегородском партийном активе секретарь горкома КП(б)У М. М. Демченко говорил: «Этот процесс (в Москве как раз судили Зиновьева, Каменева и др. — В. В.) должен поставить перед нами задачу, чтобы ни один враг не остался на наших предприятиях, заводах. Каждый честный коммунист, работник нашей великой страны обязан приложить все усилия к тому, чтобы этих врагов разоблачить, посадить на скамью подсудимых...». Демченко и другие выступающие называли десятки имен троцкистов, разоблаченных на ХТЗ, ХПЗ, канатном заводе, кондитерской фабрике «Кофок», фабрике «Красная нить», на 7-м кожзаводе «Большевик», на Южной железной дороге, на фабрике имени Тинякова.

За три месяца перед этим была разоблачена троцкистско-зиновьевская группировка и в Харьковском университете, арестован один из ее «руководителей» — академик С. Ю. Семковский.

От Семковского и других «разоблаченных контрреволюционеров, троцкистов, двурушников» нитка потянулась к ректору А. И. Нефоросному. Но на активе он еще выступил как разоблачитель, сделав ударение на том, что вузы «на протяжении многих лет в Харькове были главным очагом, где организовывали свою контрреволюционную деятельность троцкисты».

А. И. Нефоросный как партийный и государственный деятель высокого ранга понимал, какие последствия для его судьбы будет иметь разоблачение троцкистов в университете. А тут еще терроризирующий студентов Л. Д. Ландау со своим идеализмом!

Перед ректором возник вопрос: как быть? Ведь это сам Нефоросный пригласил Л. Д. Ландау работать в университете. Выход был один: Лев Давидович должен был как можно скорее уйти из университета. Логика такая: если НКВД заинтересуется Ландау, то университет (читай — Нефоросный) может остаться в стороне.

И хотя приближалась экзаменационная сессия, ректор пригласил к себе Ландау и предложил ему написать заявление об освобождении по собственному желанию. Лев Давидович возмутился. Тогда Нефоросный, чтобы повлиять на Ландау, предупредил, что администрация будет вынуждена уволить его с соответствующей формулировкой: за пропаганду идеализма, пренебрежительное отношение к студентам и т. п. Л. Д. Ландау встал и вышел, хлопнув дверью.

Что же, собственно, Нефоросный сказал Ландау? Ответ вытекает из свидетельств, данных Ландау 3 августа 1938 г. в Бутырской тюрьме в Москве. Ландау говорил так: «Меня уволили из университета за проталкивание буржуазных идей в лекциях».

Уйдя от Нефоросного, взволнованный Ландау пошел к своему другу Шубникову и все ему рассказал. Было это 25 декабря 1936 г. в пятницу. Шубников тоже возму-

тился и, решив со своей стороны нажать на Нефоросного, написал ему соответствующую записку.

Судя по ошибкам и опускам, Шубников в тот момент был сильно возбужден и нервничал:

Вчера (25 декабря 1936 г. — В. В.) Л. Д. Ландау сообщил мне содержание разговора с Вами и Ваше решение уволить его со вчерашнего дня.

Считаю, что возмутительное отношение университета к проф. Л. Д. Ландау, крупнейшему физику-теоретику Союза и ученому с мировым именем, является чистой, ничем не прикрытой травлей.

Продолжать работать в условиях, когда по смехотворным причинам травят ученого и лишают студентов квалифицированных преподавательских сил, не считаю возможным и прошу немедленного увольнения.

Подробная мотивировка моего поступка и изложение состояния дел в университете мной будут сообщены соответствующим правительственным инстанциям.

После этого Шубников решил приобщить к этому делу своих сотрудников.

Окончательное решение о коллективной подаче заявлений и их содержании уфтинцы приняли в воскресенье 27 декабря 1936 г. Все (А. И. Ахиезер, И. Я. Померанчук, Е. М. Лифшиц, А. К. Кикоин, В. С. Горский) написали однотипные заявления. Так, В. С. Горский написал: «Поскольку проф. Ландау — лучший теоретик и заменить его кем-нибудь невозможно, считаю работу в университете нецелесообразной и прошу меня... уволить».

Из всех написанных заявлений только у Н. А. Бриллиантова мотив увольнения не был связан с Ландау, хоть он и шел в общей связке.

Все заявления датированы 27 декабря 1936 г. — кроме заявления Л. В. Шубникова. Чтобы не выделяться из общей массы и несколько усилить ее, Шубников исправил дату на своем заявлении, написанном днем раньше.

На следующий день Е. М. Лифшиц отвез все заявления в университет.

История приобрела широкий резонанс. Ситуацию обсуждали на Ученом совете, в парткоме, в профсоюзной организации.

«На Ученом совете кто-то назвал это „забастовкой“, кто-то добавил эпитет „антисоветская“ — и вот мы все уже забастовщики», — вспоминал А. К. Кикоин.

Пока заседал Ученый совет, партком университета послал информацию в УФТИ, и там «антисоветскую забастовку» осудили на профсоюзном собрании.

Обо всем этом узнал нарком образования В. П. Затонский. Он пригласил всех «забастовщиков» к себе и посоветовал им, как утверждает А. И. Ахиезер, «спокойно работать».

Но машина набрала такие обороты, что и нарком уже не мог ее остановить. Все «забастовщики» приказом в. и. о. ректора 5 января 1937 г. были уволены из университета «за сознательный срыв занятий».

Но Л. Д. Ландау не был уволен. Нефоросный ездил в Киев, откуда возвратился 7 января, не получив разрешения на увольнение Ландау. Кроме того, Ландау заявления на увольнение не писал, а ректор без него не имел права уволить заведующего кафедрой, ибо это была номенклатурная должность, тем более что в «забастовке» он участия не принимал. К тому же Нефоросному уже было не до Ландау: 16 января 1937 г. он был исключен из партии, а 17-го — уволен из университета.

В жизни «забастовщиков» начался новый этап. А. И. Ахиезер первым осознал, какую опасность таит в себе формулировка приказа. После признания своей ошибки он добился увольнения «по собственному желанию». Его исключили из профсоюза. Впоследствии он обратился с жалобой к зампреду СНК В. И. Межлауку, и тот

помог уладить конфликт и восстановиться на работе. Все прочие «забастовщики», кроме Бриллиантова, признали свою политическую ошибку. Так, обращаясь к ректору университета, Л. В. Шубников писал:

Вы знаете, что срыва занятий не было, потому что преподаватели руководимой мной кафедры и я сам, подав заявления с просьбой об увольнении, продолжали вести занятия и никогда бы не прекратили работу до приказа об увольнении от обязанностей по университету. Целиком и открыто признавая подачу моего заявления грубой ошибкой, заслуживающей всяческого осуждения, я не могу согласиться с формулировкой вашего приказа и прошу ее изменить.

У Е. М. Лифшица это выглядело так:

Подав 27.XII.36 ректору ХГУ заявление, ... я совершил этим по существу несоветский и антисоветский поступок. Сейчас я осознаю, что подобный способ действий абсолютно чужд советским методам решения вопросов.

В. С. Горский написал:

Свой поступок я считаю неправильным и заслуживаю осуждения, на что я и указал в своем заявлении в партком ХГУ.

И. Я. Померанчук объяснил так:

Я совершил антисоветский поступок, приняв участие в коллективной демонстрации... Этот поступок особенно недопустим для меня как комсомольца. Общественность Украинского физико-технического института (где я работаю аспирантом) и ХГУ помогла мне понять всю мерзость и недопустимость моего поступка. Я целиком признал свою ошибку на профсоюзных и комсомольских собраниях в УФТИ и в заявлении, посланном в облсовет союза работников высшей школы.

А. И. Ахиезер писал:

Я с этими товарищами по сути принял участие в политической демонстрации, вредной и недопустимой в советских условиях. Общественность Украинского физико-технического института и ХГУ помогла мне осознать вредность и недопустимость моего поступка. Я признал ошибочность своих шагов в заявлениях на имя председателя Союза высшей школы и заведующего отделением науки обкома КП(б)У.

Таким образом, каждый старался как-то выйти сухим из воды, спастись. Все протестовали против формулировки «за сознательный срыв занятий» и просили восстановить их на работе.

Кстати, организованность группы «забастовщиков» была настолько высокой, что никто из них не оставил работу до появления приказа об увольнении.

Эта организованность группы послужила основанием для обвинения всех в забастовке, а для Л. В. Шубникова и В. С. Горского оказалась тем пунктом в обвинении, по которому им был вынесен смертный приговор.

Сейчас трудно судить, под влиянием чего ректор согласился изменить формулировку приказа. Так или иначе, но приказом от 20 февраля 1937 г. все участники «забастовки» были уволены из университета с формулировкой «по собственному желанию» (кроме Бриллиантова, которого сразу уволили по собственному желанию).

НКВД уже вплотную взялось за работников УФТИ. 27 января 1937 г. для срочного допроса был вызван работавший там австрийский физик А. С. Вайсберг, и об этом узнали в институте.

Ландау понимал, что в такой ситуации ничего хорошего ожидать не стоит. Поэтому, воспользовавшись приглашением П. Л. Капицы, в середине января 1937 г. он выехал в Москву, а ректору университета заказным письмом послал такое заявление:

Ректору Харьковского госуниверситета
от профессора Л. Д. Ландау

Заявление

В связи с моим переездом на постоянную работу в г. Москву по приглашению директора Института физических проблем Академии наук проф. П. Л. Капицы прошу исключить меня из списка сотрудников университета. Во втором семестре я не получил никакой педагогической нагрузки, и поэтому мой отъезд не вызовет никаких осложнений в преподавании.

По административной линии я в конце января был освобожден от заведования кафедрой общей физики и никаких других назначений не получал. На случай, если, как об этом шли переговоры, ректор имел намерение назначить меня зав. кафедрой теоретической физики, я хочу сообщить, что я перешел на постоянное место жительства в г. Москву и не могу взять на себя эту обязанность. Рекомендую как зав. кафедрой теор. физики кандидатов физ.-мат. наук Е. М. Лифшица либо А. И. Ахиезера.

10.11.37 г.

Из текста и даты заявления видно, что Л. Д. Ландау не знал ни о своем назначении на должность заведующего кафедрой теоретической физики, ни об увольнении из университета Е. М. Лифшица и А. И. Ахиезера. Свое заявление Ландау отправил с Московского почтамта, поэтому в университет оно попало не сразу. Да в университете и не торопились с этим.

Так или иначе, 21 марта 1937 г. в университете был издан приказ № 98: «Проф. Ландау Л. Д. освободить от должности зав. кафедрой теоретической физики с 15 января 1937 в связи с переходом на другую работу».

Так и не пришлось профессору Ландау заведовать кафедрой теоретической физики в Харьковском университете...

Перевод с украинского Ю. Н. Ранюка